

Использование личности племянника князя Кучи было лишь для того, чтобы подавить вспыльчивость и высокомерие толстяка. Однако худощавый по-прежнему подозрительно смотрел на Цуй Буцюя и остальных.

Однако здесь, это Цемо, место, расположенное далеко от столицы. Не говоря уже о том, чтобы здесь не уважают и чиновников императорского двора, таких как Гао И, невозможно, чтобы князь Кучи отправил армию, чтобы встретить своего племянника, поэтому даже если бы Цуй Буцюй был самим князем Кучи, есть сотня способов, которыми Дуань Цигу и Син Мао могли бы заставить их остаться здесь навсегда. Фактически, они могут достичь этой цели, не привлекая внимания.

Оба трупа в данный момент находились в монастыре. Гао И отказался идти в монастырь, полагая, что это к несчастью, поэтому он приказал людям использовать деревянные доски и вынести трупы во двор поместья.

Погода холодная, поэтому несмотря на то, что тела пролежали там уже целую ночь, от них до сих пор не исходило никакого зловония, на самом деле оба они были сожжены заживо, так что трупы представляли собой просто сгусток черной как смоль пыли, и с поверхности казалось, что очень трудно найти какие-либо зацепки.

Толстяк просто изобразил на лице выражение «я хочу посмотреть, как вы собираетесь осматривать труп». Цуй Буцюй один раз обошел труп, а затем поманил Фэн Сяо рукой:

— А-Фэн, разве это не то, что у тебя получается лучше всего? Подойди и посмотри!

Фэн Сяо:

Легкий запах гари ударил ему в нос, и губы Фэн Сяо дернулись:

— Муж, я не хочу пачкать руки, можешь ли ты проверить сам, а я просто буду говорить?

Цуй Буцью мягко улыбнулся, но неожиданно сказал что-то приятное в ответ:

— Конечно, могу.

Он не был помешан на чистоте, поэтому сразу же потянулся, чтобы положить руку на труп и начать его осматривать.

Вся одежда трупа сгорела дотла, некоторые ее кусочки прилипли к коже, ощущения от прикосновения были не очень приятными. Однако наблюдавшие за происходящим люди почувствовали, что у них волосы встали дыбом на коже, толстяк и худощавый не могли вынести этого зрелища и были вынуждены прикрыть нос и рот куском ткани. Даже Гао И отступил на несколько шагов назад, но Цуй Буцью выглядел совершенно нормально, как будто то, к чему он прикасался, было женщиной со светлой и гладкой кожей, а не трупом, который был сожжен до состояния, когда никто не мог его узнать.

Боевые искусства Фэн Сяо не имели себе равных в мире, и его ум легко мог занять одно из первых мест под Небесами, но он ничего не знал, когда дело доходило до осмотра трупов. Однако Цуй Буцью дал ему личность ученого, поэтому у него не было другого выбора, кроме как продолжить представление, следуя за Цуй Буцюем. Посмотрев на Цуй Буцюя, ощупывающего труп, он спросил:

— Что на теле?

— На груди и на спине ран нет.....

Он перевернул труп.

Рука звучно упала на пол.

Цуй Буцью невинно сказал:

— У меня не так уж много сил.

Затем он повернулся к Фэн Сяо и сказал:

— А-Фэн, пожалуйста, подними руку.

Цяо Сянь немедленно отвернулась, чтобы Гао И не заметил, что она безудержно смеется от развернувшейся сцены.

Фэн Сяо коснулся лба тыльной стороной ладони:

— Ах, внезапно у меня закружилась голова. Муж, твоя жена только что вспомнила. Врач сказал, что нашему малышу еще нет и нескольких месяцев, поэтому я не могу прикоснуться ни к чему, имеющему отрицательную энергию. Я думаю, твоей жене надо послушать врача. Ты бы не хотел, чтобы наш ребенок родился без руки, не так ли?

Цуй Буцью: ...

Его взгляд упал на живот Фэн Сяо, задержался на мгновение, прежде чем бесстрастно повернуться к трупу.

— Кости позвоночника целы, ран нет, — Цуй Буцью несколько раз перевернул труп.

Толстяк не удержался и сказал:

— Вы уже полдня разглядываете его и ничего не сумели обнаружить?

Худощавый:

— Разве вы не просто мешаете нашим обязанностям?!

Толстяк:

— Магистрат, я думаю, что смерть Ли Фэя определенно подозрительна, пожалуйста, задержите этих четырех человек и тщательно допросите их, судя по тому, что я вижу, давайте пошлем кого-нибудь в Кучу и разузнаем о племяннике князя, чтобы узнать, существует ли такой человек или нет. Если нет, то они определенно убийцы, на самом деле, они, вероятно, получили приказ от кого-то другого убить Ли Фэя!

Худощавый почувствовал недовольство и сказал:

— Какие приказы? Тебе нужно говорить четко, не подставляй других безосновательно!

Толстяк:

— Разве я указал на кого-то?!

Казалось, они оба были готовы снова начать спорить друг с другом. Гао И уже давно к этому привык. Неважно, что Цуй Буцью только что показал золотую печать и подтвердил свою

личность, даже если они выдавали себя за людей из провинции Цзянху, он не был заинтересован вмешиваться в их дела.

После того, как он пришел сюда и узнал об отношениях Дуань Цигу и Син Мао, Гао И погасил огонь в своем сердце, который изначально хотел подняться по служебной лестнице. Когда эти годы пройдут, он даже не прочь будет просто получить обычный, средний статус. Если бы он мог покинуть это место, даже если бы он был чиновником низкого ранга в очень маленьком городе, это определенно было бы лучше по сравнению с этим местом. В Цемо, хотя он получил довольно много преимуществ как от Син Мао, так и от Дуань Цигу, из-за того, что он оказался в ловушке посередине, часто оказываясь между камнем и наковальней, он жил трудной жизнью.

Со стороны медленно и ровно прозвучал голос Цуй Буцюя:

— Хотя у этих двух людей нет ран на груди или спине, они определенно стали жертвами злых рук, прежде чем были сожжены заживо.

Трое выглядели ошарашенными, даже толстяк и худощавый перестали спорить.

— Не смейте все, что тебе заблагорассудится, и нести чушь

Цуй Буцюй сказал:

— Сами посмотрите на его рот.

Он открыл рот одного из трупов. Гао И не смог сдержать своего любопытства и посмотрел: у толстяка и худощавого не было другого выбора, кроме как подавить свое отвращение и тоже подойти, чтобы посмотреть.

— Если бы он сгорел заживо, его нос и рот определенно вдохнули бы дым и пепел, но рты этих двух людей чисты, так что они были мертвы задолго до того, как их сожгли.

Гао И изначально не хотел вмешиваться в это дело, но когда он услышал, что они сгорели заживо, он также ничего не заподозрил, поэтому просто спросил:

— Тогда как они умерли, можно ли это раскрыть?

Цуй Буцью протянул руку, чтобы взяться за затылок трупа, прежде чем ненадолго остановиться:

— А-Фэн, подойди сюда и посмотри.

— Все в порядке, если ты просто скажешь мне оттуда, — Фэн Сяо предположил, что Цуй Буцью намеренно устроил еще одну яму и что она ждет его, поэтому он отказался идти вперед, несмотря ни на что.

Цуй Буцью обернулся и посмотрел на него с улыбкой, сказав мягко и нежно:

— На карту поставлены жизни, если мы узнаем причину смерти, мы сможем помочь мертвым восстановить справедливость. А-Фэн, я знаю, что с тех пор, как мы потеряли ребенка, ты не переставала чувствовать себя опустошенной и продолжала воображать, что ребенок все еще в твоей утробе. Вот почему мы должны восстановить справедливость по отношению к этим жертвам и совершить маленькое доброе дело во имя нашего ребенка, не так ли?

Фэн Сяо скривил губы:Ты очень жесток.

Цуй Буцью приподнял бровь: Кто просил тебя изливать ложь, как реку, чтобы теперь я мог

продолжать твою ложь? Если ты в ближайшее время не придешь сюда, я покажу тебе еще несколько своих «приемов».

У них обоих были невероятно пристальные взгляды, пока Фэн Сяо, наконец, сдался и не заставил себя сделать шаг вперед, подойдя к трупу. Он подавил отвращение и протянул руку, чтобы коснуться затылка трупа.

Через некоторое время он сказал:

— У него трещина на затылке. Навыки убийцы превосходны, он по праву должен заниматься боевыми искусствами. Кости треснули, но не развалились. Если бы не тщательное исследование, ее никогда бы не нашли.

Гао И приказал коронеру осмотреть труп, и он пришел к тому же выводу, что и Фэн Сяо и Цуй Буцью.

Толстяк вдруг сказал:

— Я знал, что его убили. Ли Фэй обычно занимался только своими делами в ларьке и редко выходил наружу. Какого бы врага он могу нажить? Очевидно, это потому, что кто-то хочет покончить со всеми верными подчиненными моего хозяина!

Худощавый сказал сердито:

— Если у тебя хватит смелости, то назови виновника сам! Не трать время на туманные намеки!

Толстяк:

— Ну и что, если я укажу на него? Кто в Цемо не знает, что Дуань Цигу может разбить золото и нефрит своими руками?!

Худощавый холодно рассмеялся:

— Если наш хозяин хочет кого-то убить, зачем ему делать это самому? У тебя что, совсем мозгов нет?!

Их перебранка заставила Гао И почувствовать, что у него медленно начинает болеть голова, поэтому он не смог сдержаться и прикрикнул на них:

— Замолчите оба!

Толстяк и худощавый не осмелились продолжить, поэтому сразу замолкли.

Гао И:

— Истина в этом деле еще не ясна, поэтому вам не нужно бессмысленно спорить между собой. Позже я пошлю людей, чтобы они все подробно расследовали, и если будут положительные результаты, вы все будете поставлены в известность.

После того, как он сказал это, он отослал их обоих.

Когда они увидели, как Гао И вздохнул с облегчением, Цуй Буцой уклончиво улыбнулся:

— Магистрат Гао, вы должны быть правящей силой в этом городе, почему вам нужно вести себя в соответствии с настроением других?

У Гао И хороший характер, поэтому он не рассердился на эти слова, а вместо этого горько рассмеялся:

— Есть кое-что, чего вы не знаете. Этот город контролируется Син Мао и Дуань Цигу уже долгое время. Я просто представитель приказов Императорского двора, но мои полномочия ограничены.

Цуй Буцзюй:

— Мой дядя, князь Кучи, приказал мне отправиться на Центральные равнины. Итак, я отправился в Империю Суй и Северную династию и обнаружил, что по сравнению с Югом Север обладает более сильным стремлением к развитию, поэтому я считаю, что вскоре Империя Суй сможет объединить Север и Юг. К тому времени, будь то Дуань Цигу или Син Мао, как они смогут противостоять солдатам Империи Суй? Магистрат Гао, вы тоже должны показать свой вклад.

Гао И сказал в своем сердце: В настоящее время Империя Суй не может даже ничего сделать с тюрками, как они могут обращать внимание на такой маленький город, как Цемо? Но он чиновник Империи Суй, поэтому не мог унижать собственное достоинство перед чужестранцем, поэтому просто ответил несколькими бессмысленными словами, демонстрирующими его признание, и пошел дальше.

Конечно, он не мог догадаться, что вскоре после этого именно этот молодой племянник князя Кучи, выглядевший болезненным, и его странная жена, которая не могла перестать сжимать горло, когда говорила, были теми двумя людьми, которые стабилизировал весь Цемо. Именно они сравняли три столпа власти и официально поместили город на карту Империи Суй, добившись того, чего не смог бы сделать сам Гао И.

В то время Гао И, естественно, не знал, насколько ужасающим было истинное происхождение этих четырех человек. Он услышал, как Цяо Сянь спросила:

— Дуань Цигу родился конокрадом, какая судьба уготовила ему стать одним из правителей Цемо и собрать так много последователей?

Гао И:

— Я сам в этом не слишком уверен. Я слышал, что он умеет завоевывать сердца своих последователей. Даже если он зарабатывает медную монету, он делится ею со всеми своими подчиненными. Естественно, он завоевывает сердца людей. Он вожак с героическим сердцем. В этом городе ему принадлежит треть городских продаж, даже когда дело касается боевых искусств, говорят, что его также можно причислить выдающимся маэстрам.

Сравнивая их обоих, казалось, что Син Мао зависел от своего происхождения как потомка князя Шаньшаня, его богатство, люди, последователи и провизия были выше по сравнению с Дуань Цигу, только он мог сохранить свою позицию и стать одним из тех, кто находится у власти.

Дело не имело ни начала, ни мотива, кроме трещин, обнаруженных на трупах, искать другие улики было очень трудно. Они не получают никакого заключения за короткий промежуток времени. У Гао И не хватило духа расследовать это дело. Он, естественно, не стал бы плохо обращаться с Цуй Буцюем и его компанией, поэтому позволил им вернуться в гостиницу. Его единственной просьбой было, чтобы они какое-то время оставались в городе, чтобы их можно было вызвать в любое время, когда они понадобятся.

Фэн Сяо попросил у Гао И таз с водой. Он вымыл руки, по меньшей мере, дюжину раз, но все равно чувствовал, что запах сохраняется, поэтому пошел в ларек благовоний, чтобы купить несколько мешочков благовоний, чтобы натереть руки.

Цяо Сянь не смогла удержаться от насмешки над ним:

— Теперь он действительно ведет себя как женщина!

Фэн Сяо:

— Ты смотришь свысока на себя или на Цзинь Лянь?

Цяо Сянь закатила глаза. Цзинь Лянь попыталась помириться и сказала:

— Хотя мы женщины, мы не такие привередливые.

Фэн Сяо:

— Для того, чтобы быть счастливым, я предпочитаю сам выбирать, а не смотреть на счастье другого.

Цуй Буцзюй почувствовал, что в гостинице скучно. Он предпочитал выйти и прогуляться, поэтому позволил Цяо Сянь и Цзинь Лянь вернуться первыми, а сам сопровождал Фэн Сяо в ларек благовоний, чтобы купить мешочки с благовониями.

Они оба хотели срезать путь, поэтому они оба выбрали небольшой переулок, по которому могли пройти только два человека. Поскольку таким образом им не нужно было делать огромный крюк, чтобы добраться до места назначения.

Кто знал, что это решение было неправильным, потому что Фэн Сяо встретил старого знакомого.

Из угла впереди к ним плыла белая фигура.

Советник принца Цзиня, монах Юй Сю.

На этот раз он был не один, рядом с ним был кто-то еще.

Поскольку эти четыре человека вот-вот встретятся, повернуть назад будет невозможно. Благодаря хитрости и сообразительности Юй Сю он, возможно, сможет узнать их по маскировке.

Фэн Сяо решил сыграть по-крупному. Он немедленно разорвал воротник, затем притянул к себе Цуй Буцюя и прижался к стене.

Он даже сказал очень соблазнительным, женственным голосом:

— Муж, не торопись делать подобные вещи среди бела дня, как мне потом смотреть людям в глаза!

Цуй Буцюй: ...

<http://bllate.org/book/13926/1227025>